

Краббъ и обезьяна.

Жить бытъ краббъ, который ютился въ маленькой, хорошенькой пещеркѣ на томъ боку горы, гдѣ почти всегда царила тѣнь.

И увидѣлъ онъ разъ,—на дорогѣ лежитъ вареный рисъ,—его, вѣрно, путникъ послѣ ночлега забылъ. Вотъ и задумалъ краббъ перетаскать этотъ рисъ домой. И подошла къ нему обезьяна, которая на той же горѣ жила и тоже хотѣла рисомъ полакомиться, и говоритъ:—„Давай помѣняемся. Ты дай мнѣ рису, а я тебѣ дамъ сѣмечки отъ апельсина“.

И что же вы думаете,—краббъ посмѣялся надъ обезьяной? Вовсе нѣтъ. Наклонилъ онъ голову на-бокъ, подумалъ, подумалъ и согласился на мѣну.

Обезьяна духомъ проглотила рисъ, а краббъ тщательно стащилъ въ свою норку сѣмена и посадилъ ихъ въ своемъ маленькомъ садикѣ передъ пещеркой.

Много времени прошло съ тѣхъ поръ, шла обезьяна мимо пещерки крабба, а тотъ сидитъ подъ тѣнью роскошнаго померанца, который выросъ изъ посаженныхъ имъ сѣмечекъ.

—Славное дерево,—сказала обезьяна,—я голодна, а у тебя такое славное по-

меранцевое дерево. Не дашь ли ты мнѣ парочку померанцевъ.

— Охотно,—сказать краббъ,—да я не могу влѣзть на дерево, и ты сама должна влѣзть на дерево за ними.

— Только позволь,—сказала обезьяна.

Краббъ позволилъ, но только подъ условіемъ, что обезьяна дастъ ему половину того, что она нарветъ на деревѣ.

Обезьяна прыгнула на дерево, наѣлась померанцевъ до-отвалу да еще полные карманы себѣ набила и все дерево опу-

стошила, а бѣдному краббу бросила всего-на-всего какіе-то два испорченные померанца. Обидѣлся краббъ и крикнулъ обезьянѣ вдогонку, что-де она негодница и слова своего не держитъ. Ну, тутъ ужъ обезьяна сама разсердилась и такъ закидала бѣднаго крабба незрѣлыми и полугнилыми померанцами, что чуть до смерти не зашибла его.

Какъ увидѣлъ краббъ, что съ обезьяной ничего не подѣлаешь, что она сильнѣе его,—смирился онъ и сказалъ:

— Слушай-ка, обезьяна, ты славно лазаешь, слова нѣтъ, но это тогда, когда вѣтки есть, а небось по гладкому стволу безъ вѣтокъ тебѣ ни за что не влѣзть.

Обида взяла обезьяну, и мигомъ она **обломала** два-три сучка вокругъ ствола, но въ это время изъ кармана ея высыпался весь запасъ померанцевъ. А краббъ, не будь дуракъ, живо ухватилъ ихъ и потащилъ къ себѣ въ пещерку. Потомъ вылѣзъ, было, снова, но тутъ ужъ обезьяна схватила его, стала бить его и чуть, было, не убила. Потомъ испугалась сама и задала тягу.

Счастье, что у крабба было добрыхъ знакомыхъ пропасть, которые, какъ прослышали про эту бѣду, такъ поспѣшили къ нему на помощь.

Первой оса прилетѣла, стала утѣшать крабба, ухаживать за нимъ, а потомъ полетѣла къ яйцу и ступкѣ для рису да и рассказала о дурномъ поступкѣ обезьяны.

И пришли всѣ они къ краббу, а какъ были убѣждены, что обезьяна непременно вскорѣ явится вторично за померанца-

ми, то и рѣшили ее подождать да подкараулить.

Ступка влѣзла на поперечную балку надъ входомъ; яйцо легло прямо на землѣ съ самымъ невиннымъ видомъ, какъ будто оно сюда случайно пало; осапа влетѣла въ ведро и забилась въ самый уголышекъ, а краббъ влѣзъ въ расщелину скалы и сталъ совершенно невидимъ.

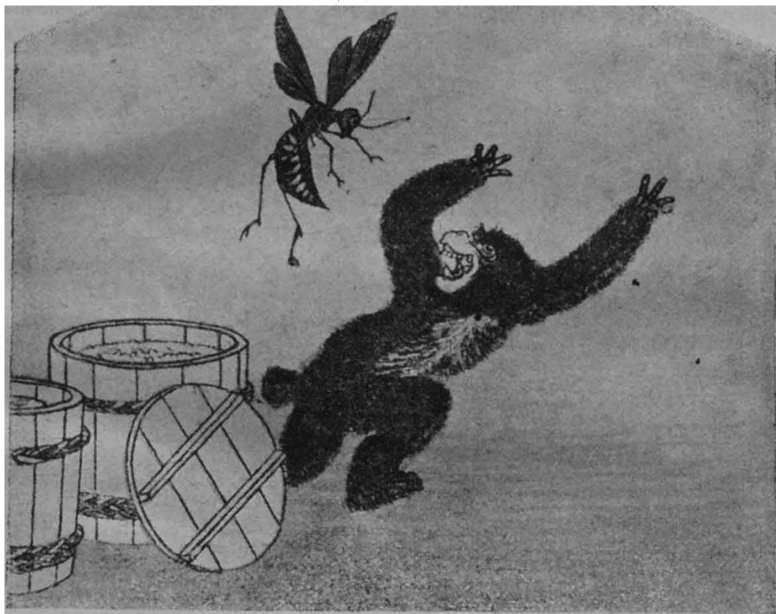
Вотъ и является обезьяна. А какъ она виновата была, то остановилась въ дверяхъ и ну извиняться. Тихо было, заглянула она во внутрь да и вошла въ пещерку. А какъ она вообще жадная бы-

ла, то подняла живо съ полу яйцо и положила его на очагъ. „Вотъ,—думаетъ злорадно,—придетъ краббъ, а яйца-то и нѣтъ“.

И только она подумала о томъ, — съ трескомъ лопнуло яйцо на нѣсколько кусочковъ и осколки скорлупы до крови изрѣзали и исцарапали всю морду обезьяны.

Бросилась она къ ведру, думая освѣжиться водой, наклонилась надъ нимъ, а оса съ жужжаніемъ бросилась со дна ведра и больно, немилосердно ужалила ее въ самый носъ.

Завизжала обезьяна и бросилась прочь бѣжать, но на порогъ тяжелая ступка съ балки грохнулась на обезьяну и убила ее...

Краббъ мало-по-малу выздоровѣлъ совершенно и зажилъ по-прежнему и жилъ много лѣтъ послѣ того, пока не умеръ

подъ своимъ чуднымъ развѣсистымъ по-
меранцевымъ деревомъ.

Воробей съ обрѣзаннымъ языкомъ.

Въ старые годы жили-были въ глуши **высокихъ** горъ старики мужъ и жена. Не походили они другъ на друга,—мужъ быть добрый, хороший человекъ, а у жены быть злобный, завистливый характеръ,—вотъ и ссорились, и перекорялись они между собою да на томъ и **составились**.

Разъ сидѣлъ старикъ, по обыкновенію, передъ своей хибаркой и видитъ вдругъ—ворона преслѣдуетъ одного воробушка.

Жалобно плачетъ воробушекъ, а ворона бьетъ своими страшными крыльями и готова вотъ-вотъ клюнуть своимъ страшнымъ носомъ несчастную птичку.

Вотъ старикъ подбѣжалъ къ нимъ и отогналъ злую ворону.

Потомъ старикъ заботливо поднималъ воробушка и осторожно понесъ его домой. Сердчишко билось у воробья, и весь онъ дрожалъ, такъ что старикъ всячески уго-

варивать его изъ состраданія, отнесъ его домой и посадилъ въ клѣтку, и воробушекъ скоро пришелъ въ себя и поправился.

А какъ сталъ воробушекъ по-прежнему весело прыгать по клѣткѣ и чирикать, старикъ сталъ кормить его на-славу и каждый день отворялъ ему дверцу клѣтки, чтобы воробушекъ не чувствовалъ тяжести неволи.

И воробушекъ съ радостью порхалъ по всей хижинѣ, а когда подкрадывалась къ нему кошка или крыса, онъ мигомъ забирался въ клѣтку и затихалъ тамъ.

Радъ былъ старикъ, и, видя, что воробей отъ него прочь не улетаетъ, сталъ онъ особенно цѣнить умъ и привязанность птички.

Но жена старика терпѣть не могла воробушка и всячески ему досаждала, то корму ему не насыплетъ, то бранить его всячески, и не находила ничего хорошаго въ умномъ воробѣ.

Разъ старика дома не было, старуха и дала волю своему гнѣву. Она какъ-разъ въ это время стирала какую-то одежду и положила кусочекъ на краю кадки. Воробушекъ подлетѣлъ да и клюнулъ...

Разсердилась старуха, схватила ножницы и хотѣла убить птичку, да все-таки раздумалась и не рѣшилась на это, но чтобы птичка не смѣла ни ѣсть, ни чирикать, хотѣла она ей языкъ отрѣзать.

Воробушекъ во-время откинулъ голову, но все-таки острые ножницы сдѣлали глубокій надрѣзъ на языкѣ... Воробей запищалъ отъ боли такъ, что старуха

выпустила его изъ рукъ... И отъ страха, и отъ обиды вылетѣлъ воробушекъ изъ дому на волю туда, гдѣ его не видно стало...

Пришелъ старикъ, и старуха все рассказала ему, какъ она языкъ воробью обрѣзать хотѣла, да еще бранить стала старика, что онъ такъ привязался къ этой глупой птицѣ, отъ которой все равно проку никакого нѣтъ.

Сѣлъ старикъ въ горѣ на порогѣ хаты и горюетъ о воробѣ. И такъ сталъ онъ дѣлать каждый день, но время шло, а воробушекъ назадъ не прилеталъ,—и махнулъ старикъ на все рукой, думая, что воробушекъ для него пропалъ навсегда.

Пошелъ разъ старикъ въ ясный жаркій день въ тѣнь бамбуковой рощи и видитъ вдругъ посреди ея прехорошенькій садикъ, котораго раньше онъ никогда не видѣлъ, а около—прехорошенькая фанза... И выходитъ изъ фанзы къ нему